АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Д.Т. Жовтун

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИНЦИПА ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

ЖОВТУН Дмитрий Тимофеевич – доктор философских наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология власти» (e-mail: zhovt@ur.rags.ru)

Аннотация. *В статье акцентируется внимание на категории противоречия в контексте возрождения диалектического метода в социально-гуманитарном познании.*

Ключевые слова: *метод, диалектика, противоречие.*

Одной из самых загадочных и увлекательных областей диалектики, приводящей в трепет и духовное напряжение мыслящего субъекта, является противоречие, выступающее, по истине, нервным центром, ядром диалектики. Противоречие в процессе осмысления того или иного предмета – это всегда проблема, пункт высшего напряжения духа, точка роста знания. И следует согласиться с Гегелем, считавшим, что наличие противоречия есть критерий истины, а его отсутствие – критерий заблуждения.

Одной из субъективных причин метафизирования мышления и практики, которую оно обслуживает, является вмешательство, вторжение в какой-либо предмет окружающей природы или в социальное явление, или даже в общество в целом без глубокого знания его законов, внутренних закономерностей. При таком вмешательстве разрываются внутренние, естественные, объективно присущие данному явлению связи и отношения, что с неизбежностью приводит к негативным последствиям на практике. Например, в истории развития социализма совершенно неправомерно игнорировались товарные связи в экономической жизни, товарный характер социалистического производства. Более того, сознательно и планомерно проводилась политика на их искусственное свертывание, последствия которого общество ощущает до сих пор. Иные примеры механистического

подхода к преобразующим процессам можно было бы привести и из области природопользования. Например, непродуманное проведение мелиорации, строительство гидроэлектростанций, атомных станций, строительство различных водоканалов и переброска воды из одного региона в другой и т. п. Эти действия являются не чем иным, как нарушением естественных связей, присущих природе, за что она, как еще предсказывал Ф. Энгельс, с объективной необходимостью мстит человеку. Совершенно прав был Энгельс, предупреждая, что презрение к диалектике не остается безнаказанным.

Важным в понимании процесса разрешения диалектического противоречия является правильное истолкование проблемы симметрии его сторон, поставленной еще Гегелем. Анализируя кантовские антиномии, Гегель с удовлетворением отмечает, что у Канта противоположности признаны в равной мере необходимыми и истинными. «Одна из этих противоположностей, – пишет Гегель, – так же необходима, как и противоположная ей... необходимость этих противоположностей есть как раз наиболее интересная сторона, которую Кант... заставляет нас осознать, между тем как, согласно обыденной метафизике, мы представляем себе, что одно должно быть признано верным, а другое должно быть отвергнуто»[1].

Гегель истолковал разрешение противоречия как примирение его сторон. Известный западногерманский философ Ю. Хабермас, например, увидел в этом одну из самых главных заслуг Гегеля как диалектика и при анализе «Феноменологии духа» понятие «признание» (*Annerkennung*) сторонами противоречия друг другом выдвинул на первый план. Между тем в тенденции к примирению противоположностей заключается не сила, а слабость гегелевской трактовки противоречий. Тенденция к примирению противоположностей проявилась у Гегеля, в частности, в его стремлении к строгой симметрии как в характеристике структуры противоречия, так и в построении всей его системы в целом. Симметричность структуры противоречия вытекает из постулируемой Гегелем полной равноценности и совершенно равной роли обеих сторон противоречия в раскрытии последнего и его разрешении.

Здесь, на наш взгляд, не следует торопиться с критикой гегелевского положения о равноценности, равнозначности сторон противоречия, оно требует более глубокого осмысления с иллюстрацией на конкретных примерах. Дело в том, что в развитии противоречия есть исторический и логический аспекты и к его исследованию правомерно применение принципа единства исторического и логического, что, к сожалению, отсутствует в трактовке противоречия Гегелем. Если иметь в виду противоречие как принцип развертывания логики, системы диалектических категорий, то Гегель совершенно прав – такие противоположности, как бытие и небытие,

[1] *Гегель,Ф.* Соч. – Т. VI . – М.; Л., 1934 –1935.

качество и количество, сущность и явление, содержание и форма, необходимость и случайность и т.п., в развертывании логической системы равнозначны, они выполняют равные роли в этом движении. Для них характерно взаимополагание, взаимное проникновение, которые означают невозможность существования одного без другого. Таким образом, если говорить о логическом аспекте, а именно это прежде всего имел в виду Гегель (в силу идеализма его философии, выступающего в данном случае в виде панлогизма, преформизма), то, действительно, противоположности противоречий совершенно равнозначны. Здесь взаимодействующие стороны противоречия абсолютно «равноправны» в их отношении к синтезу, к возникновению новой категории.

Но в реальном противоречии, в его действительной истории, в возникновении, развитии и разрешении отношения между противоположностями непосредственно с логической схемой не совпадают. В реальной жизни принцип симметрии никогда не реализуется во всей полноте. Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, относительно, а борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна. Особенно это наглядно в социальном мире, здесь наблюдается отсутствие «симметричности» в функциях и судьбах социальных сил, участвующих в общественной борьбе.

Но отсутствие строгой симметрии противоположностей в социальном противоречии вовсе не значит, что разрешение противоречия возможно только за счет победы одной стороны над другой. К. Маркс справедливо раскритиковал гегелевскую концепцию примирения противоположностей путем опосредствования средними элементами, которое в действительности не привело бы к развитию.

При этом К. Маркс, на наш взгляд, делает далеко идущий для социальной теории и практики вывод, неоднозначная сложившаяся в последующем развитии марксизма интерпретация которого сыграла во многом трагическую для социальной диалектики роль. Он пишет, что свойство «истинной действительности» присуще лишь одной противоположности, т. е. только одна из них выражает необходимость объективного развития. Поэтому «одна из крайностей берет верх над другой. Положение обеих неодинаково»[1]. Такая трактовка разрешения противоречия существенным образом сказалась на дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории исторического процесса и практике социальных преобразований, в частности, в социалистическом строительстве. Она заранее формирует установку, что для успешного разрешения противоречия необходима победа одной стороны над другой, победа той, которая, по мнению субъекта преобразующей деятельности, является прогрессивной, должна взять «верх» над другой, которая, по его же мнению, выступает тормозом раз-

[1] *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. – Т. I.– С. 322.

вития, т. е. консервативной. И если учесть, что данная трактовка разрешения социальных противоречий в рамках марксизма всегда осуществлялась в контексте классового подхода к оценке общественных явлений и применялась на уровне социальной практики эксплуатируемых масс, легко воспринявших идею о необходимости насильственного способа осуществления социалистической революции, то становится очевидным не только положительный результат этого исторического переворота, но и колоссальные социальные и духовные издержки, проявившиеся в мощной разрушительной волне, сопровождающей революцию.

Маркс приходит к выводу о непременном взятии «верха» одной противоположности над другой при разрешении противоречия потому, на наш взгляд, что концепция противоречия неполная, в ней недостает очень важного и существенного звена, разработанного, кстати, именно в диалектико-материалистической философии – принципа отражения, указывающего на то, что в любом процессе взаимодействия (а борьба противоположностей – это и есть прежде всего взаимодействие) с объективной необходимостью присутствует и отражение как конечная причина изменений во взаимодействующих противоположностях и, следовательно, в самом исследуемом объекте.

Универсальный метод разрешения противоречий мы находим все же у Гегеля, в его идее синтеза противоположностей. Все дело заключается в том, как истолковать этот синтез: можно как примирение, как это было понято К.Марксом, но можно и как действительный синтез-борьбу (воспользуемся таким подвижным семантическим единством); понимание этого предполагает соединение принципа противоречия и принципа отражения, включение отражения в структуру противоречивого процесса как его внутренне необходимого момента, без которого осуществление противоречия вообще невозможно.

Точка зрения синтеза противоположностей – это не проповедь их примирения, а осознание необходимости более глубокого понимания бытия. Если и вмешиваться в его ход, то никоим образом не игнорировать его объективные связи, не рвать, не нарушать их, поскольку это приводит к массе негативных последствий.

Следование концепции разрешения противоречий путем обязательной победы одной стороны над другой в революционной практике, по существу, означает устранение одной из противоположностей противоречия, а это неизбежно приводит к тому, что победившая сторона, оставшись наедине с собой, также раздваивается по принципу «раздвоения единого на противоречивые части», и борьба начинается уже внутри нее самой, именно этот момент выражен в емкой по глубине и довольно мрачной закономерности – «революция пожирает своих собственных детей», истинность которой нашла подтверждение во всех социальных революциях, совершавшихся в истории. Великая Французская революция «сожрала» своих любимых

и порожденных ею же детей – Марата, Дантона, Робеспьера и многих других. Свершившиеся социалистические революции во многих странах приняли в качестве священных жертв не один миллион ее участников, достаточно вспомнить «старую партийную гвардию», возглавившую Октябрьскую революцию в России, и постигшую ее судьбу.

Итак, универсализация Марксова положения о разрешении противоречий таким путем, что одна из сторон обязательно «берет верх» над другой, оказалась ошибочной. Революционный опыт пролетариата в России показал, что, уничтожив свою противоположность, буржуазию, пролетариат столкнулся с массой труднейших проблем по организации общественного производства и функционирования всего общественного организма, для которой у него самого, не имелось ни знаний, ни опыта. Поэтому и последовало отступление – введение новой экономической политики, означающей определенное возрождение противоположности рабочему классу – буржуазии, располагавшей и знаниями и опытом, достижениями культуры.

Общественные отношения создаются, воспроизводятся людьми благодаря тому, что их совместная деятельность создает, воспроизводит человеческие и общественные предметы. Общественный предмет как объект совместной деятельности людей влияет на движение общественных отношений, поскольку в нем как в посреднике закрепляются формируемые совместной деятельностью сами эти общественные отношения. При этом следует отметить, что предметный мир входит в содержание общественных отношений не со стороны своих физико-химических или механических свойств, когда речь идет о вещной форме предмета, а со стороны тех объективных функций, какие он выполняет в процессе взаимодействия людей друг с другом.

Социальные противоречия, являющиеся предметом нашего исследования, – это разновидность социальных отношений. Поэтому можно утверждать, что беспредметных противоречий в развитии общества, так же, как и социальных отношений вообще, не бывает. Каждое социальное противоречие предполагает «свой» предмет, как и сам этот предмет – социальное противоречие.

Чтобы отношения социального противоречия стали возможными, необходимо, кроме субъектов, наличие предметного (вещественного или духовного) посредника в отношениях между субъектами социального отношения в виде труда и его продуктов. В этом отличие противоречий в обществе от противоречий природы. Предмет-посредник в данном случае выступает в роли катализатора противоречия, его структурирующим центром. Причем включение в сферу общественных отношений какого-либо нового предмета (например, нового продукта) порождает с необходимостью новые противоречия.

Роль предмета как средства удовлетворения потребностей общественных субъектов в конституировании социальности в форме противоречия

заметил Ж.-П.Сартр, выразивший эту мысль в понятии «фундаментальный факт «скудости»» средств удовлетворения человеческих потребностей. Но он увидел в этом факте исключительно негативный аспект. Именно «скудость» средств удовлетворения потребностей, их «редкость», создает, по мнению Сартра, потенциальную угрозу человеку со стороны другого человека. «Человек есть практический организм, живущий с множеством себе подобных в поле скудости. Человек жесток на протяжении всей истории и вплоть до сегодняшнего дня. Его насилие обращено против контрчеловека (т. е. против неважно какого другого) и против своего брата в той мере, в какой последний имеет перманентную возможность стать контрчеловеком»[1]. В результате Сартр приходит к выводу, что «конфликт – это изначальный смысл бытия-для-другого», т. е. рассматривает конфликт как атрибутивную форму всякой социальности.

Таким образом, социальное противоречие – это всегда такое отношение, которое опосредованно, а собственно, и вызвано, вещами и явлениями как продуктами человеческой деятельности. В качестве таких предметов могут выступать, например, средства производства и его продукты и т. п., а с другой стороны, – государственная власть, нормы права и морали, эстетические ценности и т. д., словом, все материальные и духовные предметы, способные удовлетворить актуальные потребности социальных субъектов, вступивших в противоречие. В соответствии с этим социальные противоречия выступают как противоречия по поводу предметов определенной потребности – по поводу средств производства (экономические противоречия), по поводу государственной власти (политические противоречия), по поводу юридических норм (правовые противоречия) и т. д. С этой стороны социальные противоречия можно рассматривать как отношение субъектов по поводу объектов.

Если предмет противоречия попадает в разряд дефицитных, то он выступает как катализатор социального противоречия. Развитие, углубление учения о противоречиях как источнике развития общества, а также потребности в поисках средств и методов разрешения реальных противоречий, на практике требуют, на наш взгляд, введения в научный оборот новых понятий. Они должны обогатить и конкретизировать как саму категорию социального противоречия, так и ее связи с другими социально-философскими категориями, отражающими диалектику развития общества.

Каждому вводимому понятию для обогащения категории диалектического противоречия, разумеется, следует дать определение. Возможно, в силу его рабочего характера оно не всех удовлетворит. Но при этом мы сошлемся на Ф. Энгельса, который заметил, что все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность и потому, что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказы-

[1] *Sartre, J-P*. Critique delaraison dialectique. – Paris, 1960. –Т. 1. – P. 688–689.

вается развитие самого существа дела, а это уже не дефиниция. Принимая во внимание это замечание, попытаемся показать правомерность введения в подсистему категории противоречия понятие его объема.

Каждый предмет, явление, процесс представляют собой сложную систему связей, сторон, свойств, тенденций движения и развития. Для их познания применяется, наряду с другими категориями, принципами и законами, и категория диалектического противоречия, принцип «раздвоения единого и познания противоречивых частей его», в чем, собственно, и заключается сущность диалектики. Но противоположности из всего этого многообразия определений отражают хотя и самые важные, самые существенные, но только два момента, что, конечно, содержательно «обедняет» предмет. (Здесь можно говорить о своеобразной редукции связей и отношений).

Примеры из общественной жизни свидетельствуют, что органически целостная система всех видов общественных отношений реальной жизни общества – это отношения между конкретными людьми, социальными группами, классами, обладающими своими потребностями, интересами, целями, идеалами, мотивами и установками своего поведения. Надо отметить, что само выделение общественных отношений и их фиксация в отдельных понятиях и категориях – производственные, политические, правовые, нравственные и другие – суть результаты анализа познающего мышления. В реальной жизни все это существует в органической взаимосвязи, взаимопереплетении, в целостной системе. Но без такого выделения, как известно, невозможно познание.

Надо заметить, что в результате предметной специализации в философских исследованиях (что, разумеется, неизбежно) эта целостная духовная деятельность общественного субъекта оказалась разделена, «разорвана» на специализированные части. Очевидно, что этому обстоятельству необходимо по мере возможности, не отрицая его, противостоять, вырабатывать определенные познавательные и практические противовесы. В исследовании любого аспекта деятельности – экономического, политического, юридического – очень важно и совершенно необходимо иметь в виду, что в конечном счете деятельность человека целостна и ее образ должен постоянно присутствовать в сфере исследования.

Исключительно важное значение образ целостности имеет при применении принципа противоречия в познании и в практике, предполагающего с необходимостью выделение в исследуемом или преобразуемом явлении, процессе двух противоположностей. Поэтому если раскрывается какое-либо противоречие, возникающее в системе общественных отношений, необходимо видеть за ним все многообразие аспектов его проявления и, прежде всего, экономических, политических, правовых, нравственных, эстетических и т. д. Например, нельзя успешно разрешить противоречие из сферы экономики без учета его правового и нравственного аспектов, не говоря уже о политическом. Проблемы перестройки экономических отно-

шений, происходящей в российском обществе, неизмеримо сложны. Поэтому нет ничего ошибочнее подспудно присутствующего в наших действиях убеждения, что можно решить их только в научных абстракциях, а не в реальной действительности, где производят и обмениваются продуктами своей деятельности реальные, живые люди.

Учесть, не потерять из виду всю полноту содержания движущегося в противоречиях предмета позволяет, на наш взгляд, понятие объема противоречия. Объем противоречия означает определенную полноту как специфического содержания обеих противоположностей, так и их основания. Противоположности, взятые в виде абстракций, вне объема противоречия, как бы разрывают все прочие связи и отношения предмета. Дело в том, что любое определение противоречия, содержащегося в предмете, его теоретическая формулировка есть не что иное, как своего рода абстракция. Выделение и фиксация в этом определении противоположностей, т. е. двух сторон противоречия, – это абстрагирование их из сложной внутренней органической взаимосвязи различных сторон, элементов, аспектов, тенденций. Здесь уместным будет вспомнить слова Спинозы, что определение есть отрицание.

Объем социального противоречия – это характеристика отношений между его сторонами, раскрывающая полноту структуры связей, тенденций, аспектов, проявляющихся во взаимодействии противоположностей, и указывающая на необходимость учета этой полноты в исследовании и разрешении противоречий на практике.

Связь противоположностей многомерна, каждая из противоположностей (будь то конкретная вещь, явление, процесс) обладает множеством характеристик, свойств, и все они в той или иной мере актуальны в процессе осуществления противоречия. Хотя в противоречии мы фиксируем внимание на двух моментах, характеристиках и т. п., в действительности же в движении предмета и рассматриваемого противоречия участвуют все присущие ему характеристики, свойства.

Но всякий объем предполагает и границы. Противоречие тоже имеет свои границы, свою «сферу влияния». Понятие «границы противоречия» обозначает пространственные и временные пределы его существования и развития, полагаемые его основанием. В сложной гамме социальных сил, движений, в их противоречивых взаимосвязях и взаимодействии (выраженных в понятии объема противоречия) познающее мышление нуждается в твердой опоре, поскольку все здесь выступает только как относительное, обусловленное другим и обусловливающее другое. Поэтому потребность постигающего разума, говоря словами Гегеля, «выходит за пределы этой голой относительности» и находит опору в понятии «границы противоречия».

Граница противоречия – это пределы действия противоположностей, определяемые их основанием, в которых данное противоречие сохраняет

значение главной детерминанты происходящих изменений. За пределами своего основания противоположности теряют значение источника движения и развития, и произвольное нарушение границы противоречия в исследовании того или иного процесса приводит к неверным результатам, уводит познание с пути истины. В практических делах это приводит к перерасходованию сил и средств при разрешении противоречий, к экономическим, политическим и духовным издержкам.

Граница противоречия очерчивает пределы возможного развития и нарушение ее означает прекращение его процессов, вернее, перерыв, застой, выражающийся во временном параличе противоречия, или деформацию, искажение форм его осуществления, порождающих так называемые «негативные явления» в жизни общества.

Нарушение границы социального противоречия приводит к результату, противоположному тому, к которому субъект деятельности стремился. Так происходит, например, в процессе познания истины, что было замечено еще Ф.Энгельсом. «Истина и заблуждение, – писал он, – подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения»[1].

Известно, что противоречия в обществе взаимосвязаны, взаимопереплетаются друг с другом, иногда образуя сложный узел, ставя перед действующим субъектом труднейшие теоретические и практические задачи. И в этих условиях исключительно важное методологическое значение имеет понятие границы противоречия, без определения которой в каждом конкретном случае неизбежно возникает ситуация, которую можно назвать превращенной, означающей преобладание негативных последствий деятельности социального субъекта над положительными, т. е. ожидаемыми. Превращенная ситуация служит очагом социальных конфликтов.

Для модели противоречия без его объема и границ не существует людей, конкретных субъектов с их потребностями, волей, сознанием, а есть только абстрактные противоположности. Для этой модели не существует добра и зла, любви и ненависти, ни экономики, политики, психологии, что лишает познающее мышление должной мобильности и динамичности поля интерпретаций движения реальных противоречий.

В процессе преобразующей деятельности люди вызывают к жизни новые явления или вносят изменения в уже существующие. При этом человека интересуют прежде всего положительные результаты его деятельности, на которые он рассчитывает, которые планирует. Но по закону про-

[1] *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. – Т. 20. – С. 92.

тиворечия, все в мире противоречиво, в том числе и результаты нашей деятельности. Следовательно, мы должны учитывать, принимая решения и осуществляя их в практике, не только положительную сторону результата своей деятельности, но и объективно необходимые, присущие ему «отрицательные» моменты, иными словами, не только «плюсы», но и «минусы».

Результаты деятельности не полностью совпадают или вовсе не совпадают непосредственно с заданной целью. Это противоречие цели и результата впервые отмечено еще Гегелем. Он остроумно охарактеризовал его как «хитрость разума». Гегель писал: «Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых ни достигают, о которых они непосредственно знают и которых они желают, они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осозналось или не входило в их намерения»[1].

Определенное расхождение между результатом и целью деятельности, в основании которого лежит реальное противоречие между ними, приводит порой к трагическим последствиям, если деятельность осуществлялась без понимания этого противоречия, или еще хуже, его сознательного игнорирования под давлением текущих интересов и потребностей. Энгельс ярко проиллюстрировал последствия такой деятельности: «Какое было дело испанским плантаторам, – пишет он, – на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на одно поколение очень доходных кофейных деревьев, – какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитные отныне слои почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы. При теперешнем способе производства как в отношении естественных, так и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему»[2].

Что же обусловливает неполное совпадение, а иногда и резкое расхождение, между поставленной человеком целью и достигнутым результатом? Первым, на наш взгляд, моментом здесь выступает само содержание цели, зависящее от уровня познания и предшествующей практической деятельности. Цель как идеальное предвосхищение будущего предполагает отражение определенных объективных зависимостей. Но действительные связи всегда богаче, многостороннее любого идеального образа, существующего в сознании субъекта в момент постановки цели. В силу этого

[1] *Гегель.* Соч. – Т. VII – М., 1934–1935. – С. 27.

[2] *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. – Т. 20.– С. 495–496.

результат практической деятельности никогда не может абсолютно совпадать с полагаемой целью.

Противоречие между целью и результатом присуще не только глобальным, масштабным процессам человеческой деятельности, где субъектом выступают большие массы людей, целые народы, классы. Оно в такой же степени сопутствует и каждому, даже самому элементарному акту человеческой деятельности, каждой практической операции. Оно имеет атрибутивный, всеобщий характер. Гегель это осознал и попытался выразить в некоторых специфических понятиях, таких, например, как «расщепление последствий».

Такие явления, как «хитрость разума», «расщепление последствий», присущие человеческой деятельности, при попытке их осмысления и учета в человеческой практике с точки зрения принципа противоречия приводят к необходимости специального понятия, выполняющего методологическую и мировоззренческую функцию для субъекта деятельности – понятия коэффициента противоречия, в котором выражается требование учета, сознательного предвидения объективно возникающих не только «положительных», но и «отрицательных», непредвиденных сторон в результатах человеческой деятельности.

Хотя у Гегеля и отсутствует понятие коэффициента противоречия, он, на наш взгляд, все же хорошо осознавал то обстоятельство, для определения которого мы вводим данное понятие. Говоря уже об индивидуальной деятельности, Гегель отмечает: «Я, правда, не могу предвидеть последствий, которые можно было бы предотвратить, но я обязан знать всеобщую природу единичного деяния»[1]. Противоречивость последствий как совокупного, коллективного, общественного, так и единичного, индивидуального деяния и призван выразить в процессе теоретического осмысления общественного развития коэффициент противоречия.

Коэффициент противоречия – это характеристика эффективности человеческой деятельности, направленной на достижение определенной цели, указывающая на необходимость расщепления последствий этой деятельности на «положительные» и «отрицательные» по отношению к ожидаемому, планируемому субъектом результату. В соответствии с этим коэффициентом каждый практический шаг того или иного социального субъекта есть порождение все новых и новых противоречий, разрешение которых и составляет основную линию социального прогресса. Как говорил Ж.-Ж. Руссо, даже культура оставляет после себя пустыню.

Может возникнуть вопрос: а почему речь идет именно о расщеплении последствий на противоположности, а не их дифференциации и дифракции? Действительно, последствий всегда много, они самые разнообразные: по своему содержанию, характеру, степени значимости они есть непо-

[1] *Гегель.* Соч. – Т. VII. – М.; Л., 1934–1935. – С. 138.

средственные и опосредованные в силу сложной взаимосвязи, в которой находится исследуемое или преобразуемое явление. Но любое множество последствий человеческой деятельности расщепляется на «положительные» и «отрицательные» относительно интересов, целей субъекта деятельности.

Процесс обновления российского общества раскрепощает творческие силы народа и каждой личности в отдельности. Люди активно участвуют в обсуждении всех программ и планов социально-экономического развития страны, в ходе которого вносятся весьма существенные коррективы и даже альтернативные варианты. Но, к сожалению, следует отметить, что авторы многообразных проектов преобразования экономики как дилетанты, так и профессионалы, не всегда до конца понимают, что они имеют дело не с пассивной материей, которая поддается любым комбинациям, а с организованной, саморазвивающейся средой. Многим из них даже в голову не приходит мысль: а как экономика, а вслед за ней и политика, духовная жизнь отреагируют на предлагаемые ими меры?

Коэффициент противоречия – это методологическая основа «опережающей политики», строящейся на квалифицированном, научном предвидении, прогнозировании социальных процессов с учетом неизбежного расщепления последствий реализуемых программ каждого конкретного мероприятия.

В соответствии с принципом противоречия не существует процесса, явления без своей противоположности, тенденции – без контртенденции. И если мы хотим успешно управлять социальными процессами, то должны учитывать требования коэффициента противоречия как в научных исследованиях, так и в практической деятельности. Это весьма полезно в попытках вносить коррективы в современный мировой процесс, особенно во взаимодействие человека с природой в глобальном масштабе с помощью высоких технологий, значительно усиливающих мощность производительных сил человечества.

Список литературы

Батищев, Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. – М., 1969.

Гегель. Соч . – Т. VI – VIII. – М.; Л., 1934–1935.

Ильенков, Э.В. Диалектическая логика. – М., 1984.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т.20.

© Жовтун Д.Т., 2010